

РАЗЫСКИВАЕТСЯ
ЖИВЫМ ИЛИ МЁРТВЫМ
II

ГЕННАДИЙ БОРЧАНИНОВ

18+

Геннадий Борчанинов

Разыскивается живым или мёртвым. Том 2

<https://litres.ru/73394586>

SelfPub; 2026

Аннотация

Песчаная буря перенесла меня и моего друга на сто пятьдесят лет назад. В 1875 год. В Техас, на самую границу с Мексикой.

Теперь мой друг убит, а наши пушки увезли бандиты.

Несколько я выследил, но всё пошло совсем не по плану, и теперь я вынужден снова преследовать их на безлюдных землях фронта. Никто не уйдёт безнаказанным.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	70
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Геннадий Борчанинов
Разыскивается живым
или мёртвым. Том 2

.

Глава 1

Возвращение в Тусон оказалось долгим, болезненным и мучительным. Подъём по узкому карнизу к проходу, где я оставил Ниггера, занял едва ли не час времени, да и взбираться на жеребца пришлось, сперва залезая на камень. И пока я ехал обратно, несколько раз едва не выпал из седла.

Само собой, перед этим я заглянул в хижину, пытаюсь найти хоть что-нибудь полезное, но не обнаружил ничего стоящего. Спартакское убранство, пара топчанов, дешёвая глиняная посуда. У застреленного мексиканца, которого его подельники бросили здесь, тоже не нашлось ничего ценного, кроме серебряного медальона с чёрным локоном внутри.

Но это всё ерунда. Тяжелее всего для меня оказалось осознание того, что я действительно идиот, как и сказал Мартинес. Поверил в благородство бандита, в честную дуэль, в драку один на один, как мужчина с мужчиной. Давно пора запомнить, что стрелять здесь надо не по сигналу, а как только представится возможность, и не лицом к лицу, а в затылок. Больше я такой ошибки не совершу.

Колорадо. Ещё один горный штат, богатый золотом и прочими ископаемыми, привлекающий всякий сброд. Вернее, пока что даже не штат, а всего лишь территория, хоть и не такая дикая по сравнению с Аризоной или Невадой.

Путь предстоял неблизкий, очень неблизкий, но мне бы-

ло плевать. Если понадобится, дойду хоть до Аляски. Хорхе Мартинес заплатит за всё. Точка.

Из пустыни на окраину Тусона я выбрался только к вечеру, качаясь в седле от усталости и слабости. Несколько раз меня вырвало по дороге, но Ниггер только косился на меня печальным взглядом и шагал дальше. Я им даже почти не управлял, жеребец сам бежал к городу, стараясь поскорее вынести меня из опасных мест.

Но из седла я всё-таки вывалился.

Уже в городе, на одной из центральных улиц, где вечером не протолкнуться было от гуляющего народа, где постоянно слышались пьяные выкрики, смех и выстрелы в воздух. Это был квартал салунов, борделей и дэнс-холлов, предлагающих весь спектр услуг, необходимых усталому старателю после тяжёлого рабочего дня.

Я проезжал мимо какого-то борделя, когда силы окончательно оставили меня, и я начал валиться набок, выскальзывая из седла и стремян, я попытался обхватить шею Ниггера, зацепиться за гриву, но руки отказались держать меня, и я рухнул наземь, как мешок с дерьмом.

Прохожие опасливо обходили меня стороной.

– Вот же надрался до беспамятства...

– Ишь ты, вроде приличный мистер...

– Я его в компании Рахомо видал, тоже алкаш небось...

– Да нет же, он ранен! У него кровь!

Чьи-то руки подхватили меня и куда-то понесли. Я чув-

ствовал, как меня качает, пока меня тащат по лестнице вверх.

Очнулся я в какой-то тесной каморке. От того, что какая-то пышнотелая мадам с ярким вызывающим макияжем пыталась накормить меня бульоном с ложечки. Я лежал на узкой кровати, в одном исподнем, а незнакомая мадам сидела на краешке моей постели, словно заботливая мать.

Мне не до конца ещё было понятно, где я нахожусь, но такое отношение льстило.

– Мистер, вы очнулись! – глубоким бархатным голосом воскликнула мадам.

Я потрогал свою черепушку. Перевязана, прямо как у Полиграфа Полиграфыча Шарикова. Но гудела башка по-прежнему.

– Где это я? – тихо просипел я.

– В салоне Мамы Лоу, – ответила женщина. – Вы сверзились с лошади прямо у наших дверей. Мама сказала, что вам надо помочь.

Всё ясно, я в борделе. Вот уж не думал, что буду их посещать, и уж тем более, что меня в борделе станут кормить с ложечки горячим супом. Я прислушался к звукам за стеной. Музыка, ахи и вздохи, ритмичные стуки. Да, сомнений не осталось.

– Премного благодарен Маме Лоу, – произнёс я. – Где моё оружие?

Женщина стушевалась.

– Мы закрыли его под замок, на всякий случай. Не переживайте, – сказала она. – Я знала, что вы о нём спросите.

Я ещё раз потрогал бинты на голове.

– Это вы... Сами? Или звали доктора? – спросил я.

– Сами, конечно. Мы, женщины, с кровью имеем дело гораздо чаще вас, мужчин, – тихо посмеялась она. – Вам сильно повезло, пуля просто скользнула по черепу. За вами приглядывает кто-то там, наверху.

– Хотелось бы верить, – буркнул я.

– Ангел-хранитель вас уберёт, – твёрдо заявила она.

Я забрал у неё миску с бульоном и попробовал немного поесть. К горлу почти сразу подкатила тошнота, в голове опять загудело, но я пересилил себя. Похоже, сотрясение ещё долго будет давать о себе знать.

– Как вас зовут? – спросил я у моей сиделки.

– Роза, – улыбнулась та.

– Джек Шульц, – представился я.

– Отдыхайте, мистер Шульц, я не буду вам мешать, – Роза поднялась, разглаживая модную юбку.

Да, в таком состоянии я ни на что не гожусь, поэтому охотно последовал её совету.

На следующий день ухаживать за мной пришла юная рыжеволосая Камелия, через день – жгучая брюнетка Жасмин, после неё – курносая веснушчатая блондинка Айрис. Само собой, на самом деле их звали самыми обычными Мэри и Бетти, но как представились, так я их и называл, подыгрывая

им. Мне не сложно, а им приятно. Ходили они по очереди, будто составили график дежурств.

Дней через пять, когда я совсем уже окреп и оклемался, ко мне пришла сама хозяйка этого чудесного заведения, Мама Лоу, худая как тростинка, маленькая, бледная и болезненная женщина, но во взгляде которой виднелась крепчайшая сталь. Стержень, без которого управлять борделем на западном фронтире просто не получилось бы. Она была моложе многих своих работниц, по виду она едва перешагнула порог тридцатилетия, но всё равно её уважительно называли Мамой.

– Вы верите в судьбу, мистер Шульц? – спросила она меня.

– Скорее да, мэм, – ответил я.

– Я вот верю, что вы упали к нашему порогу неслучайно, – сказала она.

– Мужчины часто падают к вашим ногам, я полагаю, – сказал я. – Сражённые вашим обаянием.

Мама Лоу улыбнулась. Я медленно пил куриный бульон, который она принесла, и ждал, когда она перейдёт к делу. Неслучайно же она завела разговор про судьбу. Да и в альтруизм и христианское милосердие я не верил, не здесь. Я мог бы расплатиться долларами за проживание и уход, деньги у меня имелись, но что-то мне подсказывало, что Мама Лоу в разы, в десятки раз богаче меня, и в долларах не особо нуждается. Значит, ей от меня нужно что-то другое.

– Право, мне неловко о чём-то вас просить, мистер

Шульц, – начала она наконец, и я приподнялся на подушке, целиком обратившись во внимание.

А она хорошая актриса, прирождённая. Я даже почти поверил в то, что ей и на самом деле неловко.

– Но вы выглядите серьёзным человеком, умелым стрелком, – продолжила она, заламывая тонкие хрупкие пальцы. – К тому же, вы не болтливы, как мне сказали девочки, и сумеете сохранить всё в тайне. Для моего салона настали трудные времена, мистер Шульц.

Как я успел заметить, борделем её заведение никто не называл, да и люди сюда приходили, в основном, чтобы пообщаться с красивыми мамзелями за бокалом вина и послушать музыку. Как к японским гейшам. Иногда с дополнительным сервисом.

– Я готов вас выслушать, мэм, – сказал я. – И гарантирую, что разговор останется между нами. Вот только в моём нынешнем состоянии я не боец, если вам нужны мускулы. По крайней мере, не сейчас.

– Я это понимаю... – начала она, но вдруг выхватила платок из рукава и резко закашлялась.

Кашель был долгий, хриплый, лающий, и я на всякий случай постарался задержать дыхание, хоть даже она и прикрылась.

– Да, это чахотка, мистер Шульц, прошу прощения, – сказала она, когда приступ закончился. – Врачи посоветовали мне уехать в тёплые края, и я выбрала Аризону с её сухим

климатом. Может быть, это продлит мне жизнь.

Туберкулёз, если другими словами. Не хотелось бы заразиться. Здесь это не лечится.

– Я веду непростой бизнес, мистер Шульц, – сказала хозяйка салона. – И до поры всё шло прекрасно, пока в город не заявились итальянцы. Семья Джироне.

– Открыли свой салон? – предположил я.

– Бордель, – скривилась она. – Гнездо разврата.

Я хмыкнул и понимающе кивнул.

– Они ведут дела... Не совсем честно, мистер Шульц. Так не принято вести дела, – сказала она. – Переманивают девочек. Подсаживают их на опий. Угрожают.

– В таком бизнесе часто играют грязно, – пожал плечами я.

– Джироне перешли все границы, – покачала головой Мама Лоу. – А ещё они задумали расширяться, и их жадный взгляд упал на моё заведение.

– И поэтому вы хотите, чтобы я... – протянул я, предлагая ей закончить мою фразу.

Я ожидал, что она предложит мне поработать наёмным убийцей или что-то вроде того, но Мама Лоу сумела меня удивить.

– Чтобы вы напустили на себя грозный вид и объявили, что мой салон находится под вашей защитой, я знаю, вы сможете, – сказала она. – У вас внешность и характер головореза, и я знаю, о чём говорю. Я неплохо разбираюсь в мужчи-

нах.

— А в итальянцах разбираетесь? Их это не напугает, — сказал я. — К тому же, я пока не боец.

— Нам нужна охрана, а из местных никто не хочет связываться с Джироне, — печально сказала она. — Помаячите внизу, в зале, может, несколько раз сходите со мной на переговоры. Нет, я не заставляю, мистер Шульц, но... Нам просто не к кому больше пойти.

Она умело припустила в свой тихий голос немного дрожи, на ресницах заблестели слёзы. Определённо, она превосходная актриса. Заставлять она и правда не станет, да и не сможет, но, как говорится, я тебя спас и в благородство играть не буду. Я, скорее всего, просто помер бы там, на улице, так что я чувствовал себя обязанным Маме Лоу и её девочкам.

— Думаю, на такое я ещё способен, — произнёс я. — А через недельку смогу и всё остальное.

Мама Лоу просияла и схватила меня за пальцы обеими руками от избытка чувств. Вот это было вполне искренне, в это я поверил. Похоже, проблема с итальянцами и правда довольно острая. Ничего, прогоним их обратно в Самарскую область, город Тольятти, или откуда они там припёрлись.

С одной стороны, мне нужно было мчаться за ублюдком Мартинесом как можно скорее. С другой стороны, я знаю, куда он поехал, а на добро лучше оплачивать добром. Я долго ждал, подожду ещё. К тому же, пока я в Тусоне, я могу навестить семью Луиса Эрнандеса и поспрашивать у них о

похождениях главы семейства. Возможно, узнаю что-нибудь новенькое.

Но это потом. Сперва мне нужно долечиться, черепно-мозговая травма это не шутки. Провалов в памяти я за собой не замечал, разве что сам момент перестрелки с Мартинесом теперь казался как будто в тумане, неясными обрывками.

– Дайте знать, как будете готовы, мистер Шульц, – сказала Мама Лоу. – Мы все очень на вас рассчитываем.

– Мне нужны мои вещи и оружие, – сказал я. – Если от меня требуется просто сидеть и делать вид, то я готов хоть сейчас.

– Разумеется, – кивнула она. – Вам всё принесут.

Она поднялась, изобразила изящный реверанс, и вышла, оставляя после себя лишь едва заметный шлейф духов, а я глядел ей вслед, удивляясь, как в такой маленькой хрупкой женщине может быть столько внутренней силы.

Спустя десять минут одна из девушек принесла мой костюм, выстиранный, аккуратно заштопанный и выглаженный. Он знал и лучшие времена, и, по-хорошему, стоило бы закупиться обновками, но я пока не мог себе этого позволить.

Лежать я уже утомился, особенно учитывая, что ни газет, ни книг читать было нельзя, и после того, как я отоспался за все мои прежние бессонные ночи, я чаще всего просто лежал, глядя в потолок. Поэтому я с таким энтузиазмом встал

и оделся прямо на глазах ехидно улыбающейся девушки. Исподнее, рубашка, брюки, ремень, шейный платок, пиджак, шляпа. Шляпу тоже надо приобрести новую, в этой дырок ровно как в шаре для боулинга. Одну сделал Джуд Мёрфи, две других – Мартинес, прострелив её насквозь.

Тяжеленный пояс с двумя кобурами я нацепил сверху, достал оба «Миротворца», проверил патроны в них. Револьверы никто не трогал с того момента, как я из них стрелял в последний раз.

– Ну как, всё в порядке, мистер Шульц? – спросила девица.

Её имени я спросить не удосужился, но готов был поклясться, что это наверняка ещё одно какое-нибудь цветочное имя типа Лилии или Флоры.

– Кажется, да, – сказал я, хотя голова от этого переодевания немного закружилась, а к горлу снова подкатил комок.

Нет, ни о какой погоне пока и речи быть не может. Вот когда мой череп зарастёт окончательно, так, что даже доктор Раттингтон не сумеет найти изъяна, тогда можно и пускаться по следу.

– Покажешь мне тут всё, красавица? – спросил я.

– Всё-всё? – игриво улыбнулась она.

– Обойдёмся минимумом, быстрой экскурсией, – я был не в настроении флиртовать.

Девица наморщила носик, но всё же согласилась показать мне салон изнутри, не весь, само собой. Некоторые комнаты

для уединения были заняты, да и хозяйственные помещения вроде маленькой кухоньки меня не сильно интересовали. Мы спустились в общий зал, где играла музыка и выпивали клиенты, мило общаясь с девушками.

Всё было тихо и спокойно, атмосфера внизу царил интимная, игривая, раскованная. Звонкими колокольчиками переливался девичий смех, седые джентльмены и богатые денди сорили деньгами, пытаюсь произвести впечатление на местных гейш. Публика тут собиралась явно непростая, и не только для того, чтобы провести время в компании здешних девушек.

Я прошёл к бару, кивнул напомаженному бармену, удивился ценникам здешнего бухла. Мама Лоу, похоже, на виски делала больше денег, чем на всём остальном. Однако бармен налил мне бесплатно.

– Вы и есть тот самый мистер Шульц? – спросил он, протягивая мне стакан с выпивкой.

– Единственный и неповторимый, – пробормотал я, заглядывая в золотистую жидкость.

– Про вас уже болтают в городе, – сказал бармен. – Да и девчонки тоже.

– И что болтают? – спросил я, пытаюсь вспомнить, как вообще мог стать объектом слухов, и каких именно.

– Что вы – охотник за наградой. И что за городом стрелялись с целой бандой головорезов, – понизив голос и улыбнувшись, доложил он.

– Ну, так и есть, – сказал я, пригубив немного виски для пробы.

Бармен покачал головой, сделав круглые глаза. Я продемонстрировал ему свою шляпу и отверстия от пуль. Бинты на голове он видел и так.

– Господь Всемогуший, – только и выдавил он. – Ну, если вы и из такой переделки вышли живым, то и нам поможете. Мама Лоу вам уже рассказала?

– Да, – сказал я. – Макаронники.

– Ха-ха-ха! Как вы сказали? Макаронники? Точно! – воскликнул он. – Итальянцы, будь они прокляты.

– Они и сюда заходят, я полагаю? – спросил я.

– Да, и мы ничего не можем поделать, – вздохнул бармен. – Как видите, охрана здесь отсутствует. Чтобы не смущать наших уважаемых клиентов, конечно. У меня тут есть дробовик под столом, но стрелять я не очень люблю, да и боюсь, если честно.

– Очень опрометчиво управлять таким заведением без охраны, – заметил я. – Особенно в таком городе, как Тусон.

– Раньше она и не требовалась, – пожал плечами бармен. – Маму здесь все уважают.

– Понятно, – буркнул я, возвращая недопитое виски на стойку.

Я не рискнул его пить в моём состоянии, пусть даже я не на лекарствах.

– Я сяду вон там, в уголке, – сообщил я. – Если что, зо-

вите.

– Как скажете, мистер, – кивнул бармен.

Другие посетители на меня не обращали никакого внимания, я выглядел совершенно обычным и неприметным ковбоем, каких за день можно увидеть под сотню, и нисколько не мешал им хорошо проводить время в компании цветочного сада Мамы Лоу. Несколько раз ко мне подошли знакомые уже девочки, справиться о моём здоровье и спросить, не нужно ли мне чего, но я неизменно отсылал их обратно. Мне хватало того, что я спокойно сижу, никого не трогая, слушаю музыку и глазею на красивых девочек.

Конечно, существовал шанс, что сюда заявятся макароники, но пока что он оставался крайне маленьким. Вот когда до семьи Джироне дойдёт слух, что у Мамы Лоу появилась охрана, они непременно захотят проверить меня на прочность. И я буду готов.

Глава 2

Долго ждать их не пришлось. Макаронники заявили на следующий же день, в количестве трёх штук, бесцеремонно ввалившись в зал, как к себе в хлев.

Время как раз близилось к обеду, и Роза принесла мне большой сочный стейк, когда двери салона распахнулись, и три фигуры в тёмных костюмах зашли внутрь, по-хозяйски окидывая взглядом зал. Повисла тишина. Несколько посетителей спешно засобирались уходить.

– Ну и дыра, – брезгливо произнёс один из итальянцев.

Все трое были черноволосыми, смуглыми и волосатыми, как обезьяны. Похожи друг на друга, как цыплята из одного выводка.

– Да и девки небось через одну с триппером, – сказал другой.

Третий молча сплюнул в сторону плевательницы, но промахнулся, скорее всего, намеренно.

Бармен растерянно озирался, поглядывая в мою сторону, девчонки тоже косились на меня. Я замер за столом с вилкой в руке. На вилке был наколот кусочек мяса, и мне пришлось вернуть его обратно на тарелку. Я убрал салфетку, заправленную за воротник, отряхнулся, поднялся, поправил кобур.

Все трое макаронников были вооружены револьверами,

но кобуры у всех троих были застёгнуты, и я ничуть не сомневался, что сумею выхватить оружие быстрее их всех.

– Джентльмены, рекомендую вам убраться отсюда, если что-то не устраивает, – лениво произнёс я сквозь зубы.

Джентльмены из них были такие же, как из местных шахтёров – танцоры балета. Видок у всех троих бывалый, руки по локоть в крови, если не больше. Обыкновенные бандиты, решившие заняться оседлым бизнесом. Криминальным, но всё-таки оседлым, не грабежами дилижансов и поездов.

– Ты ещё кто такой, cazzo? – фыркнул один из них, размахивая рукой так, что едва не залепил пощёчину своему дружку.

Воистину, если итальянцу отрубить руки – получится немой итальянец.

– Тот, кому придётся поучить вас хорошим манерам, если вы не уберётесь отсюда, – сказал я.

Все трое расхохотались, переглядываясь между собой. Другие посетители вдоль стеночки пробирались к выходу, на случай, если здесь начнётся дебош, никто не желал поймать случайную пулю.

– Pezzo di merda! – воскликнул другой. – Ты смеешь нам угрожать? Да ты знаешь, кто мы такие?

– Какие-то черти, мешающие мне доесть мой стейк, – произнёс я.

– Садись и жри, ковбой, мы не к тебе пришли, – сказал третий итальянец.

Для удобства я решил звать их Марио, Луиджи и Боузером. Один как раз был коренастым и усадым, второй был высоким и жилистым, а третий – крепким и угрюмым. Обыкновенные быки семьи Джироне, торпеды. Не самые умные и хитрые, но исполнительные и беспринципные. Годные только на то, чтобы запугивать беззащитных девиц.

– Но вы пришли без уважения, – произнёс я. – Так что выходите на улицу, подумайте, что сделали не так, и попробуйте снова.

Я всё ждал, когда кто-нибудь из них потянется к револьверу, чтобы у меня был повод выхватить свой, но макаронники не спешили начинать пальбу. Видимо, у них была чёткая инструкция, запрещающая устраивать большой переполох, и они вынуждены были терпеть мои провокации. Что было непросто с их горячим южным темпераментом.

– Ты нарываешься, ковбой, – сказал Марио.

– Давай, потянись за пушкой, и я наделаю в тебе новых дырок. Сможешь срать через них, не снимая штанов, – сказал я. – Хотя вы и так можете срать, не снимая штанов, чего это я.

– Testa di cazzo! Ti ammazzo, bastardo! – напепебой заролосили итальяшки, активно жестикулируя и размахивая руками.

Все посетители салона разбежались, девчонки жались по углам, испуганно поглядывая на меня, бармен замер за стойкой, как статуя, позабыв про свой дробовик.

Мне показалось, что один из макаронников потянулся за оружием, и я выхватил оба «Миротворца», беря эту компанию на мушку. Итальянцы, не будь совсем уж болванами, замерли неподвижно.

– Вон отсюда, – сказал я.

– Ты не знаешь, на кого наставил пушку, парень, ты об этом пожалеешь, – прошипел Боузер.

– Знаю, ещё как, – сказал я. – Забудьте сюда дорогу, и своему боссу передайте. Этот салон под защитой. Пошли вон отсюда.

Все трое зашипели ругательства на итальянском, но беспрекословно попятились назад, к дверям. Я продолжал держать их на мушке, шутить охоты не было, и я вернул револьверы на место, только когда макаронники скрылись за дверями.

Стейк, к моему большому сожалению, уже остыл. Бармен шумно выдохнул, девчонки окружили меня плотной стайкой, наперебой восхищаясь моей храбростью, хотя я не сделал ничего выдающегося. Подумаешь, прогнал нескольких уродов.

– Мистер Шульц, это невероятно! Вы такой мужественный! – ворковала Камелия, а я тем временем думал о том, как быть, когда эти негодяи вернутся.

В том, что итальянцы не отступят, я не сомневался. Вернутся с подкреплением, а если и не вернутся, то попытаются подкараулить меня на улице. Вот только я на улицу ещё

ни разу не выходил с того момента, как упал к дверям салона. За моими лошадьми ухаживал местный конюх, Бродяга, скорее всего, где-то бродяжничал.

Ну или я сам мог заявиться в гости к Джироне, но тогда всё наверняка закончится кровопролитием, и пусть даже на всю территорию округа Пима всего пятеро законников, но меня всё равно объявят вне закона, если я без причины побиваю ни в чём не повинных итальянцев. К тому же, итальянская диаспора без проблем сможет занести судье на лапу, в отличие от меня, и приговор будет простым, быстрым и действенным.

Но оставлять всё на самотёк тоже нельзя. И как бы мне не хотелось вступать в местные разборки и делёж рынков, придётся вмешаться.

– Девочки, потише, пожалуйста, – взмолился я, чувствуя, как начинает гудеть башка от их щебетания.

Все их клиенты тихонько сбежали, и им больше нечем пока было заняться, кроме как осаждать меня. На лестнице появилась Мама Лоу, и все они тут же разбежались в разные стороны, а хозяйка салона степенно прошла через весь зал и села за стол напротив меня.

– Мне сказали, тут были какие-то беспорядки, – холодно произнесла она.

– Наоборот, – сказал я, нарезая остывшее мясо на кусочки. – Полный порядок. Трое макаронников заглянули на огонёк, но поспешили убраться восвояси. Даже обошлось без

стрельбы.

– И слава Богу, что обошлось, – хмуро заявила она. – Мо-
ему заведению не нужна плохая репутация.

– Лучше иметь бизнес с плохой репутацией, чем не иметь
его вовсе, – пожал плечами я.

Я уже начал жалеть, что позволил втянуть себя в этот кон-
фликт, но обратной дороги нет, сторона уже выбрана и дело
надо довести до конца. Мирного или не очень. Чем скорее –
тем лучше, Тусон меня уже несколько утомил. Дорога звала
меня дальше, в путь, в погоню за негодяем. Эта вынужден-
ная остановка могла затянуться надолго.

– Тут вы правы, мистер Шульц, но давайте не будем усерд-
ствовать, – попросила Мама Лоу. – Я никому не хочу зла.
Даже семье Джироне.

Я тихонько хмыкнул, доедая холодный стейк.

– Прогуляюсь по городу, если вы не возражаете, – сказал
я.

Возражать никто не стал, так что я вернул грязную посу-
ду на кухню и наконец-то вышел на свежий воздух. Квартал
увеселений был сосредоточен фактически на одном пяточке,
и я поспешил его покинуть. Здесь шансы наткнуться на оби-
женных макаронников как раз выше всего.

Список врагов рос и ширился с каждым днём, и оставлять
их за спиной приходилось всё чаще. Лучше бы такого не до-
пускать, но далеко не всегда получается, к тому же с моим
ремеслом враги плодятся сами собой. Из друзей и родичей

убитых и арестованных.

Сегодня я шёл пешком, гуляя по дощатым тротуарам и глаза на витрины и вывески Тусона, города в сердце пустыни. Изначально я хотел пройтись до жилых кварталов, к дому Эрнандеса, пообщаться с его семьёй, но вскоре понял, что пешком весь этот путь я не осилю, а возвращаться за лошадью как-то уже несподручно, поэтому я просто неторопливо шёл, вдыхая городские ароматы дыма, конского навоза, свежей выпечки, опилок и пыли.

Горожане меня узнавали. Косились украдкой, шептались за спиной, улыбались в лицо, опасливо съёживались, переходили на другую сторону улицы. Девчата из салона Мамы Лоу любили поболтать, и наверняка сильно преувеличили историю о моих похождениях, так что репутация опасного человека у меня наверняка сложилась. По крайней мере, в Тусоне. Главное, чтоб не пытались проверить на прочность, чтобы самоутвердиться за мой счёт. Задир здесь, как и в любом другом городе Запада, полным полно.

– Эй, мистер! Может, опять выпить дадите? – меня окликнул знакомый голос, и я увидел Рахомо, отирающегося возле очередного салуна.

– Рахомо! – воскликнул я. – Друг мой сердечный!

– У Рахомо нет друзей, – хмуро буркнул индеец.

– Даже если я тебе налью? – усмехнулся я.

– Тогда другое дело, – протянул он. – Наливай.

– Пошли внутрь, – предложил я, показывая на двери са-

луна.

– Меня туда не пускают, – устремив орлиный взор в никуда, произнёс Рахомо. – Говорят, инджин. Язычник. С такими не пьют.

– Глуposti, – фыркнул я. – Дело есть, Рахомо.

Индеец и бровью не повёл, помятое опухшее лицо осталось таким же каменным. Но и отказывать он не стал.

– Про семью Джироне знаешь чего? – спросил я.

– Уроды, – веско уронил Рахомо, глядя в горизонт.

– Это я и так знаю, – сказал я.

– Белые, – тем же тоном сказал индеец.

– Рахомо, если хочешь выпить, лучше расскажи про них что-нибудь полезное, – сказал я. – Где живут, чем живут, с кем дружат, с кем враждуют.

По лицу индейца пробежала тень, он нахмурился, явно вспоминая что-то неприглядное. Наверняка уже сталкивался с ними, а то и был побит Марио или Луиджи, индейца в этом городе шпыняли все. Но страсть к огненной воде заставляла Рахомо побираться в городе, а не кочевать в прериях.

– Не буду я про них рассказывать, нечего мне рассказывать, – глухо произнёс он.

Я коротко хмыкнул, закуривая сигарету. Ему явно было, что рассказать, но Рахомо, похоже, боялся итальянцев сильнее, чем меня.

– Тогда покажи, где их можно найти, – сказал я.

Чем скорее я разберусь с проблемкой Мамы Лоу, тем скорее поеду в Денвер, а сидеть и ждать макаронников в салоне, попивая какао, мне как-то не хотелось. Войны одной только обороной не выигрываются.

– Где найти? Где девки, там и эти уроды, – сказал Рахомо. – Вон, например, там.

Он указал рукой на бордель через дорогу, в той же стороне, где был и салон Мамы Лоу.

– Там, скорее всего, сидят их люди, обыкновенные наёмные рабочие, – хмыкнул я. – Я спрашиваю о том, где найти самих Джироне.

Я прекрасно понимал, что денег за решение этой проблемы я не получу, но отплатить за собственное спасение нужно было всё равно, и поэтому я рвался в бой, несмотря на своё недолеченное состояние. Лежать без дела я уже устал.

– Тогда тебе надо в их салун, – сказал индеец. – Только виски они там разбавляют, туда лучше не ходить.

– Я не собираюсь там пить, – сказал я.

– Но я-то собираюсь, – сказал Рахомо. – Вот здесь виски нормальный. Но меня сюда не пускают.

Я зашёл и купил ему выпивки. Сам я пока побаивался пить, но потратить доллар за информацию – почему бы и нет. Информация всегда стоит дороже, чем какой-то там виски.

Но отдавать сразу, наученный горьким опытом, я его не стал, иначе рисковал опять остаться и без виски, и без проводника. Лишь подразнил индейца, лицо которого при виде

бутылки наконец показало хоть какие-то эмоции.

— Злой, — сказал он, когда понял, что я пока не собираюсь его поить.

Он проводил меня к нужному месту. Салун Джироне с незамысловатым названием «Белла» оказался двухэтажным зданием с фальшфасадом, балконом и стеклянными окнами. Изнутри доносились пьяные выкрики и смех. У коновязи рядом стояли лошади, почти у самого входа лежала огромная куча конского навоза. Находился он тоже недалеко, в том же квартале, где и остальные салуны, которых в городе оказалось немало. Старатели приезжали в Тусон копать медь, золото и серебро, а вслед за ними тянулись и салунщики с бочками крепкого алкоголя, наживаться на горняках.

Сначала ставили брезентовые палатки с бочками виски. Потом расширялись до землянки с доской, брошенной на две бочки, затем строили уже капитальные здания. Расширялся ассортимент, появлялись женщины, музыка, приличное освещение, зеркала, эротические картины на стенах. Жёсткая конкуренция вынуждала всех салунщиков расти над собой. Только так это и работает.

Я отдал индейцу его пойло, а сам зашёл внутрь итальянского салуна, на всякий случай передвинув кобуры поближе.

Внутри стоял плотный смог из табачного дыма, воняло дешёвым бухлом, человеческим потом и чем-то кислым, люди резались в фараона в зале, плотно окружив один из столов, довольный чернявый бармен разливал по стаканам виски,

наверняка палёный. На стенах висели реплики картин эпохи Возрождения, те, на которых художники изображали обнажённые груди Афродиты и тому подобные. Публика здесь собиралась попроще, скажем так, это было заведение низшего ценового сегмента.

– Мне нужен ваш главный, – тихо сказал я, выкладывая на стойку четвертак.

Улыбчивый бармен метнул на стойку относительно чистый стакан, поставил бутылку мутноватого виски и продолжил заниматься своими делами, предоставив мне самостоятельно наливать себе выпивку.

Я даже не притронулся к бутылке, ожидая хоть какого-нибудь ответа. Небритый пьяный ковбой, сидевший слева от меня, угрюмо повернулся ко мне, жадно глядя на бутылку.

– Это что, мистер, даже не угостите меня? Не уважаете простого работягу, да? – промычал он.

Правила хорошего тона, мать их дери. Я взял виски и плеснул в его пустой стакан. Всё равно уже оплачено. Да и простых работяг надо уважать, какими бы скучными они тебе не казались, на них всё и держится. Я и сам был таким в своё время.

– Другое дело, – расплылся в улыбке ковбой. – Выпьём? Или вы меня не уважаете?

– Как же, уважаю, – сказал я. – Только мне некогда пить. Я ищу Джироне. Их старших.

– Тогда я и твою порцию выпью, не возражаешь? – ковбой

был пьян вдрызг, и я видел, что он не остановится, пока не отключится. – В задней комнате они, в покер играют.

– Ага, за моё здоровье выпей, приятель, – сказал я, бросая на стойку ещё четвертак.

Не знаю, что понесло меня в эту дыру. В самое логово врага, причём врага беспринципного и коварного. Возможно, я в глубине души верил, что мы сумеем договориться.

Возле задней комнаты стоял ещё один бычок в тёмном костюме, его я раньше не видел. Он преградил мне путь, как только вычислил, куда я направляюсь.

– Куда это ты намылился? – проворчал он.

– Дело есть, к вашему старшему, – сказал я, глянув на него исподлобья.

– А он в курсе? – хмыкнул охранник.

– В курсе. Скажи, насчёт Мамы Лоу, – сказал я.

– Стой здесь, – проворчал охранник и скрылся за дверью задней комнаты.

Я никуда и не собирался уходить. Заложил большие пальцы за ремень и немного прошёлся по коридору, разглядывая картинки с обнажёнными нимфами на стенах.

– Проходи, синьор Джироне тебя примет, – окликнул меня охранник.

Забирать у меня револьверы он не стал, в конце концов, от настоящего убийцы это не поможет. Так что я спокойно прошёл в заднюю комнату, обставленную гораздо богаче и роскошнее, чем весь остальной салун. Большой стол, обитый

сукном, дорогая резная мебель, мягкие кресла, живые цветы в вазах, множество горящих свечей. Зеркал не было, чтобы никто не мог подглядеть в карты соперника.

За столом сидели пятеро. Похожий на бульдога чернявый итальянец, скорее всего, сам глава семейства Джироне, ковбой с длинными усами, скушающий тощий клерк, похожий на банковского служащего, одноглазый офицер с застывшей на лице усмешкой и девушка с глубоким декольте и бриллиантами на шее. На столе беспорядочными кучками лежали доллары, игра шла по-крупному.

– Садитесь, мистер, – произнёс Джироне тоном, не терпящим возражений.

Я ощутил мимолётное желание наставить на него пушку, забрать со стола деньги, и смыться, но отогнал его, словно назойливую муху, и уселся на свободное место, пододвигая к себе пепельницу и спокойно закуривая сигарету. Кажется, вечер будет долгим.

Глава 3

– Сыграем? – предложил Джироне.

Будто у меня есть выбор. Если я хочу не просто поговорить, а ещё и решить проблему в свою пользу, придётся сесть и сыграть. Притереться друг к другу, понять ход чужих мыслей, характер. В игре всё это видно. По поведению, ставкам, по выражению лица, по реакции на победу или поражение. Нужно лишь немного внимательности. И синьор Джироне это тоже знал.

– Какие ставки? – спросил я, безразлично глядя на пачки ассигнаций на зелёном сукне.

– Пять и десять долларов вслепую, если, кхм, с деньгами затруднения, то можем ссудить некоторую сумму, – сказал одноглазый офицер.

– Нет необходимости, – сказал я, извлекая бумажник из внутреннего кармана.

После дельца в Квемадо деньги у меня водились, и потратить их я не успел.

Я присоединился в самый разгар игры. Правила примерно совпадали с классическими, знакомыми мне по онлайн-покеру и редким посиделкам с друзьями.

Дилером выпало быть девушке, и она умело метала карты через весь стол, демонстрируя всем присутствующим глубины своего декольте. Отвлекающий манёвр, самый настоя-

щий, и я внимательно следил за руками, хотя взгляд так и норовил скользнуть в ложбинку между грудей, на одной из которых виднелась очаровательная родинка. Уличить эту мадемуазель в шулерстве не сумел бы даже самый внимательный игрок, и я был уверен, что Джироне приглашает её на игру не просто так.

Фишек не было, играли с наличными, и я выложил десятку, уравнивая ставку до минимально возможной, даже не глядя в доставшиеся мне карты. Зато все остальные сгребли свои карты со стола и задумчиво вглядывались в их изображения. Рубашки карт были пёстрые, красно-белые, и колода была достаточно помятая и старая, но краплёных карт я не заметил. Надо быть очень внимательным и дотошным, чтобы увидеть метки на чужой колоде, едва заметные проколы иглой или точки карандашом.

Достались мне весьма посредственные карты, пятёрка и валет, и надо было бы пасануть, но я решил подождать, пока на столе появится хоть что-нибудь. Я внимательно наблюдал за остальными игроками и их реакцией на появляющиеся на столе карты.

Джироне хмурился, ковбой покручивал кончики усов, офицер сидел с гадкой ухмылочкой на лице, но это, скорее всего, казалось из-за его шрамов. Клерк держал «покер-фейс», непроницаемую маску. Девчонка мило улыбалась всем и каждому. Играли скорее на интерес, а не на деньги, искорки азарта виднелись только у ковбоя и офицера,

остальные просто пришли неплохо провести время. Я равнодушно мусолил сигарету в зубах, прикрываясь картами, как веером.

Первый кон выиграл ковбой, собрав флеш из всякого мусора, пять карт одинаковой масти. Выиграл он немного, крупных ставок никто не делал.

Джироне поманил рукой, вышколенный лакей принёс всем по бокалу бренди.

– Итак, вы хотели поговорить, мистер, – сказал он, пока девица ловко тасовала колоду.

– Ага, – сказал я.

– И о чём же? – раскуривая сигару, спросил итальянец.

– О салоне Мама Лоу, – произнёс я.

– Сколько она вам платит? – сходу поинтересовался Джироне.

Надеется перекупить, что ли? Не думаю, что у него получится.

– Много, – расплывчато ответил я. – Так что лучше бы оставить её и её девочек в покое.

Ковбой вдруг усмехнулся в усы. Не люблю обсуждать серьёзные вопросы при посторонних, но тут у меня выбора не было. Я покосился на этого таракана, но тот сделал вид, что внимательно изучает свои карты и усмехнулся именно из-за них.

Мне достались двойка трэф и шестёрка пик, так что я мог рассчитывать на стрит, если вдруг удача мне улыбнётся.

– Поднимаю, – сказал я, выкладывая на стол ещё десятку вдобавок к первоначальной ставке.

– Поддерживаю, – сказал офицер.

После первого круга ставок на столе появились дама бубей, пятёрка бубей и тройка пик. Шансы на стрит резко увеличились, но я не выдал своего предвкушения ни единым движением мускулов. Ковбой спасовал, я поднял ещё на десять, клерк, нервно побарабанив пальцами по столу, уравнил ставку. Джироне сбросил, офицер остался в игре.

Четвёртой картой пришёл туз червей. Ну, теперь шансы пятьдесят на пятьдесят, либо придёт четвёрка, либо нет.

– Чек, – поднимать ставку ещё выше я не рискнул, хотя соблазн имелся. Блефовать слишком рано не стоит.

Я вдруг вспомнил, как мы иногда поигрывали в покер дома у Дэнни, с его женой и старшей дочерью.

– Что, не та карта пришла? – участливо поинтересовался Джироне.

Видимо, что-то такое промелькнуло у меня на лице, и макаронник неверно это интерпретировал.

– А что, можете посодействовать? – пошутил я, намекая на жульничество.

Джироне посмеялся, хотя в глазах его застыли две ледышки.

– Знаете, мистер, я не из тех, с кем можно шутить, – процедил итальянец. – И сам шутить не люблю.

Заметно.

– Мадам Лоу было сделано конкретное предложение, от которого она отказалась не самым красивым образом, – продолжил Джироне. – Ничего личного, просто бизнес. Сначала мы договорились, что не станем друг другу мешать, но она начала переманивать моих работниц, а я этого не приемлю. Да, золотце?

– Si, signore, – промурлыкала девушка.

Да уж, всё не так-то просто. С другой стороны, если Джироне и в самом деле подсаживает своих девчонок на опиум и прочую дрянь, это неудивительно. Да и работницы могли уйти сами, а итальянец мог решить, что Мама Лоу их переманивает. Всякое могло быть. В первоначальную версию Мамы Лоу мне верилось больше.

На стол добавилась пятая карта, четвёрка трэф, и я вдруг подумал, что девчонка и на самом деле жульничает, и подкинула эту карту специально.

Я посмотрел на реакцию остальных игроков. Клерк держал каменное лицо, офицер поигрывал желваками. Я собрал стрит от двойки до шестёрки, не самая сильная комбинация, но шансы на выигрыш у меня имелись, только если кто-то из них не собрал стрит, например, от тройки до семёрки, но это событие маловероятное. Скорее всего, сидят с двумя парами максимум.

– Поднимаю, – сказал я, бросая на стол полтинник.

– Пас, – клерк с тяжёлым вздохом швырнул карты на стол.

– Уравниваю, – ухмыльнулся офицер, отсчитывая банкно-

ты. – Вскрываемся?

– Прошу вас, – пожал плечами я.

– Стрит, – заявил офицер, демонстрируя свои карты, двойку и даму.

От туза до пятёрки, значит.

– И у меня стрит, – парировал я, вскрывая свои и забирая банк.

Джироне наблюдал за мной с нескрываемым интересом, как в зоопарке. Я стал богаче почти на сотню долларов, и чувствовал, что на следующем кону их нужно спустить. Хотя даже если я надумаю богатеть дальше, карты придут дерьмовые, я это чуял.

Пришли два туза.

– Поднимаю, – сразу же заявил я, вновь задирая ставку до полтинника, ещё до того, как на столе открылись первые карты.

– А вы азартный человек, не так ли? – спросил Джироне, уверенно поднимая ставку вслед за мной.

– Нет, я так не думаю, – ответил я.

Офицер и клерк сбросили, в игре мы остались втроём. Ставки резко поползли вверх, а вот карты на столе были явно не для меня. Но я оставался в игре, пока Джироне не собрал каре из дам, забрав себе банк. Что ж, легко пришло, легко ушло. Покер на то и покер, что сильные карты в начале вообще не гарантируют победы. Гораздо больше решают умение и удача.

Но в чём я убедился окончательно, так это в том, что девица перекидывает карты по своему желанию, полностью управляя ходом игры. Казино всегда в выигрыше, мать его. Шансы переиграть Джироне в покер и уйти отсюда богаче, чем был, стремительно таяли, но шансы уйти целым и невредимым всё ещё оставались, и это, на мой взгляд, куда ценнее.

Желание играть резко пропало, но и обвинить их в мошенничестве я не мог, подозрения ничего не стоят, и меня только поднимут на смех. И выйти из игры я тоже пока не мог. Переговоры не закончились, хотя свою позицию синьор Джироне обозначил довольно чётко.

– И всё же, синьор, ваши люди мешают моим друзьям вести бизнес, – сказал я.

– Если ваши друзья не в состоянии выдерживать конкуренцию, могу им только посочувствовать, – равнодушно бросил итальянец.

Ах ты, акула капитализма. Конкуренцию. Ну-ну.

– То есть, вы одобряете такие методы конкуренции? – спросил я. – Это может работать в обе стороны, синьор Джироне.

– Пытаетесь мне угрожать, мистер? – хмыкнул итальянец, потряхнув бульдожьими щеками.

– Ни в коем случае, – миролюбиво произнёс я. – Просто пытаюсь воззвать к вашему голосу разума.

Другие игроки переглядывались, не понимая, о чём вообще идёт речь.

– Парень с большими пушками... С мистером Джироне лучше не шутить, – сказал вдруг офицер, вновь натянув на лицо ухмылочку.

– Не припомню, чтобы я спрашивал вашего мнения, – грубо парировал я.

Ситуация понемногу обострялась, и я вспомнил, что нахожусь в самом центре вражеского логова. Пожалуй, лучше будет следить за словами. Даже обращёнными не к хозяину вечера, а к его гостям.

Сейчас проще простого всё испортить. Сделать ещё хуже, чем было до моего вмешательства, спровоцировать макаронника на необдуманные поступки. Начать войну, расхлёбывать последствия которой придётся отнюдь не мне.

Мы сыграли ещё один кон, на этот раз повезло клерку, который сорвал неплохой куш со своим бубновым флешем, пока все остальные, и я в том числе, пытались собрать стрит.

Сбережения мои постепенно таяли, я больше проигрывал, чем выигрывал, хотя несколько раз забирал банк, выходя в ноль или около того. В пепельнице росла гора окурков, от выпитого бренди шумело в голове, солнце давно село. Но игра пока продолжалась.

Почти все уже устали, это было заметно по всем признакам, но никто не смел выйти из-за стола. У офицера вдруг закончилась наличность, он начал играть в долг, к вящему удовольствию Джироне. В этой комнате выигрывал и зарабатывал только один человек.

Я старался не подавать виду, что раскусил мошенничество, иначе всё закончится ненужной стрельбой, но и крупных ставок больше не делал, хотя иногда казалось, что зря, и у меня есть все шансы забрать банк. Однако раз за разом оказывалось, что у моих соперников карты получше, комбинации посильнее, ну или блефуют они увереннее.

– Кажется, вы растеряли охоту играть, мистер, – пряча улыбку за своими картами, произнёс ковбой. – Не волнуйтесь, мистер Джироне даёт в долг.

– Предпочитаю не иметь долгов, – сказал я, сбрасывая очередной мусор, пришедший в руку, вальта и пятёрку. – А если и имею, то всегда возвращаю свои долги. Не только денежные.

– Дайте-ка угадаю, – хохотнул Джироне. – Мама Лоу именно так вас и заполучила к себе в защитники?

– Вроде того. Спасла мне жизнь, – не стал отпираться я.

– Тогда я понимаю, отчего вы так упрямитесь, – сказал Джироне, тоже сбрасывая карты и предоставляя шанс своим соперникам.

– Ага. И не отступлюсь, пока вы не оставите их салон в покое, – сказал я. – Вам же на самом деле нечего делить.

– Вы так считаете? – усмехнулся итальянец.

– Конечно. В ваши заведения ходит разная публика, совсем разная, – сказал я. – И совсем с разными целями.

Так себе аргумент. Особенно для такой акулы бизнеса, как этот макаронник.

– Вы ничего не смыслите в моём бизнесе, мистер, – сказал он. – Впрочем, как и я в вашем. Кто вы? Погонщик скота? Траппер? Охранник дилижансов? Не лезьте не в своё дело.

– Я охотник за наградой, и да, вы вряд ли что-то смыслите в моём бизнесе, – хмуро ответил я.

– Наёмный стрелок? Ганфайтер? – живо поинтересовался офицер.

– Скорее, наёмный убийца, не так ли? – впервые за весь вечер подал голос клерк, сказав хоть что-нибудь не про покер. – Не вижу при вас ни верёвок, ни наручников. Ни звёздочки законника.

Джироне вдруг покосился на свою девицу, переглянулся с ковбоем.

– Стало быть, вы берёте заказы? – аккуратно поинтересовался Джироне. – Возможно, у меня найдётся для вас подходящая работа.

Его тон изменился, он весь как будто бы подобрался, рассматривая меня под другим углом, по-новому. Более уважительно.

– Зависит от того, какая это работа, – сказал я.

В конце концов, меня никто не заставляет на неё соглашаться. А выслушать его предложение может быть интересно.

– Деликатного характера, – сказал итальянец, явно не желая посвящать остальных в подробности этого дела.

– Скажи ему, Джузеппе, – проворчал ковбой.

– Сквоттеры, – скривился Джироне.

Я молча ждал продолжения, глядя на него поверх своих карт.

– Китайцы, – практически выплюнул макаронник. – Видите ли, у меня есть участок земли здесь, в горах. Честно купленный у правительства, всё законно, чин по чину. Купчая есть, всё официально.

– Ага, – хмыкнул я.

– Вот только когда мы сюда приехали, на этой земле уже вовсю шуровали эти косоглазые, – продолжил Джироне.

– Мыли золото? Что, в Калифорнии земля закончилась? – усмехнулся офицер.

Оба вопроса Джироне проигнорировал. Значит, скорее всего так и было.

– Договориться не получилось, – хмуро продолжил итальянец. – Нас там... Так сказать, встречают не лучшим образом. Свинцом из всех стволов.

Я даже не удивился. Дипломатия точно не его конёк.

– А вы, мистер... Вы человек новый, – задумчиво сказал он.

Понятно. Перестреляй-ка, Евгеша, дюжину китайцев. Покажи им своё кунг-фу. Я ещё раз пожалел, что позволил втянуть себя в эту историю.

– Дайте-ка угадаю. Вы хотите, чтобы эти китайцы исчезли с вашего участка, – предположил я, пыхнув сигаретой.

– Точно, – сказал Джироне. – И меня не волнует, как

именно. Если вы и впрямь хороши в своём деле, то вы справитесь.

– А чего вы не нагрянули туда с шерифом или маршалом?
– спросил я.

– Ха-ха-ха! Смешно! – рассмеялся итальянец. – Вы ещё и шутник, да?!

– Понятно, – буркнул я, вспоминая свой опыт взаимодействия с местными законниками. Вернее, его отсутствие.

– Исчезнут сквоттеры – исчезнут все мои претензии к Маме Лоу, даю вам слово, – сказал Джироне. – Хоть на Библии поклянусь, если желаете.

Конечно, участок с золотой жилой потенциально принесёт куда больше прибыли, чем какой-то там салон. И эти китайцы наверняка были гораздо большей занозой в заднице макаронника, нежели хрупкая чахоточная девушка.

Желание переться куда-то в глушь, в глубину пустыни, в горы, отсутствовало напрочь, но я видел, что макаронник вцепился в эту возможность своей бульдожьей хваткой, и не отступит ни на йоту, а если я откажусь, то и он заартачится.

– И далеко этот ваш участок? – вздохнул я.

– Относительно... Да, придётся дать вам проводника... – задумчиво произнёс Джироне.

– Пусть будет проводник. Но он не должен вмешиваться. Я работаю один, – сказал я.

– Конечно, конечно! – радостно воскликнул итальянец, размахивая руками. – Как скажете, мистер! Главное, избавь-

те меня от этих косоглазых обезьян!

– Вопрос с Мамой Лоу, я так понимаю, уже решён? – спросил я.

– Ну разумеется! Какие могут быть к ней вопросы? Если мои парни и заходили к ней несколько раз, то разве что по ошибке, – расплылся в довольной улыбке макаронник.

– Славно, – буркнул я, бросая карты на стол.

Я даже и не заметил, как собрал фулл-хаус, так что банк снова достался мне. Я сгрёб деньги в ладонь и сунул в карман, поднимаясь из-за стола.

– Спасибо за игру, господа, – произнёс я. – Синьор Джироне. Я зайду завтра утром за вашим проводником.

– Вас будут ждать, – сказал повеселевший итальянец, и я наконец покинул его салун.

На душе было откровенно гадко, совсем не так я рассчитывал всё решить, но другого выхода я не видел, по крайней мере, сейчас. Я ощущал себя щепкой, попавшей в бурный поток. Больше ничего не оставалось, кроме как плыть по течению.

Я прошёл по тёмным улицам Тусона обратно к салону Мамы Лоу, в котором даже ночью горел свет и играла музыка, поднялся наверх, не отвечая на приветствия девчонок, прошёл в свою комнату.

Почти сразу же в дверь постучали, едва только я прилёг, по закону подлости.

– Мистер Шульц! Отзовитесь! – раздался тихий голосок

Мамы Лоу.

Я не стал открывать. Поговорю из-за двери.

– Что случилось, мэм? – спросил я.

– Вы были у него, да? – спросила она.

– Да. Вас больше никто не побеспокоит, – сказал я.

– Храни вас Господь, мистер Шульц! – воскликнула она.

Да уж, его защита мне точно не помешает.

– Отдыхайте! Прислать к вам кого-нибудь? – продолжила

Мама Лоу.

– Нет, – отрезал я. – Спокойной ночи, мэм.

Глава 4

Уехал я ранним утром, практически тайком, оставив на подушке пятьдесят баксов за проживание и обеды. Чтобы точно не чувствовать себя должным.

Видел меня только мальчишка-конюх, который оседлал для меня жеребца и вывел моих лошадей на улицу, он же помог мне закинуть сумки на Паприку. Там же, на конюшнях, нашёлся и Бродяга. Я взял с кухни немного провизии, без спроса, но вором я себя не считал, сполна оплатив за всё. И за лечение, и за уход, и за всё остальное. Но лучше бы им найти охранника на полную ставку, чтобы следил за порядком всё время, а не только когда возникают какие-то проблемы.

Ушёл я по-английски, не прощаясь, направившись к салуну «Белла», чтобы встретиться там со своим проводником. Раз уж я взялся за такую работу, то надо её делать. Пусть даже запашок у этой работёнки был не очень.

Прохладный утренний ветер закручивал пыль на улице, нежно опуская её обратно на дорогу, город постепенно оживал, все спешили по делам с самого рассвета. Здесь вообще вставали рано, с первыми лучами солнца, чтобы успеть сделать всё при дневном освещении. Ночью и вечером болтались только разного рода бездельники, типа меня. Картёжники, бандиты, бродяги.

Возле салуна, подпирая спиной угол, меня ждал неприятный сюрприз. Там стоял Марио, недовольный и хмурый, с тонкой сигарой в зубах. Одет он был по-походному, и поэтому я не сомневался, что именно он будет моим проводником, разве что узкополая городская шляпа резко выбивалась из образа пустынного странника. На поясе у него висел большой револьвер, кажется, «Уокер».

– Бонджорно, мистер, – произнёс я.

– Клянусь, я думал, босс так шутит, – мрачно сказал Марио, не ответив на приветствие.

– Лошадь-то у тебя есть, проводник? – хмыкнул я. – Зовут-то хоть как тебя?

– Марио, – ответил Марио, и я кое-как сдержал рвущийся наружу смех.

Тёзка самого знаменитого водопроводчика, такой же коренастый и усатый, бросил окурок в пыль и молча пошёл к коновязи, у которой стояла сонная пегая кобыла. Он отвязал поводья, подтянул подпруги и грузно взобрался в седло, после чего ткнул кобылу шпорами и молча отправился в путь. Мне ничего не оставалось, кроме как поехать следом за ним.

Из Тусона мы выехали на восток, в просторы бескрайних пустынь и горных склонов, и у меня при виде этих безжизненных пространств, горных пиков и глубоких каньонов начал зудеть раненый череп. Но в этот раз ехать пришлось по южной дороге, один из указателей на которой сообщил мне, что до Эль-Пасо ехать ещё триста двадцать миль.

– Далеко эти ваши прииски? – спросил я.

Марио ехал, не оборачиваясь и не обращая на меня внимания. Кажется, ему было неприятно моё общество. Обиделся на то, что я пугал его револьвером, наверное. Что ж, сам виноват, их никто не заставлял приходить в салон и устраивать там дебош.

– Ты ведь там уже бывал, да? Сколько там этих китайцев? – спросил я.

Итальянец продолжал меня игнорировать, не желая даже минимально облегчить мне работу. Он делал своё дело, провозжал меня к нужному месту, остальное его не интересовало. И общение со мной – тоже. Скорее всего, он даже не будет меня ждать, чтобы сопроводить обратно, придётся возвращаться самому, так что я запоминал дорогу.

Хотя здешние склоны, покрытые жухлой травой и иссохшими кустарниками, напоминающими скрюченные артритом пальцы, все выглядели одинаковыми, как близнецы. Негостеприимная земля, скудная, враждебная человеку, но богатая всем тем, что требуется зарождающейся местной промышленности. В том числе, золотом и серебром, и поэтому народ сюда тянулся, преодолевая все трудности здешнего быта.

А так мы ехали через пустошь, в которой успешно выживать могли только ящерицы, змеи да койоты. Ну и стервятники парили где-то в вышине, и их тень иногда мелькала на песке. Воистину, человек может приспособиться к любым усло-

виям. Поэтому-то он и расселился от Крайнего Севера и до самых жарких пустынь.

Мы свернули с главной дороги на какую-то едва заметную тропку, и я понял, что мы уже близко. Впереди, на горизонте, виднелись тёмно-зелёные горные склоны, перед ними – склоны пониже, серо-жёлто-бурые. Пологие, древние. Отлично подходящие для того, чтобы копать в них шахты.

– Всё, дальше я не поеду, – заявил вдруг итальянец, оставив свою кобылу посреди тропы.

Пришлось объезжать его по целине.

– Что-то я не вижу здесь никаких сквоттеров, – сказал я. – Вообще никого не вижу.

– Конечно, – фыркнул Марио. – Потому что они вон за тем холмом. Дальше по тропинке.

– А что, если нет? – спросил я. – С чего ты вообще взял, что они там?

За тем холмом даже дымок от костра не курился. Звуков, привычных для любого человеческого поселения, тем более, рабочего посёлка, тоже слышно не было, только завывал ветер, гоняя перекасти-поле туда-сюда.

– Там они, – хмуро сказал итальянец. – И не удивляйся, если свинцом встретят.

Места здесь лихие, это понятно, особенно там, где можно найти золото, но для меня всё равно было как-то дико открывать огонь без предупреждения по незнакомому путнику.

– Как скажешь, – равнодушно произнёс я.

Марио развернул кобылу и, не прощаясь, поскакал прочь отсюда. Как говорится, попутного ветра в горбатую спину. Я же, в свою очередь, неторопливо поехал к указанному холму, понимая, что без проводника ни за что не нашёл бы это место. Пейзажи здесь однотипные, унылые, и никакое словесное описание не помогло бы.

Оружие я держал в кобуре, но поблизости, пододвинув револьверы вперёд, чтобы можно было их быстро выхватить, бросив поводья. Предупреждение макаронника меня не пугало, но разумную предосторожность соблюсти всё равно надо. Даже при том, что я еду всего лишь поговорить, а не убивать, как того ждал Джироне.

Хотя я не был уверен, что получится решить всё переговорами. Китайцы всегда себе на уме. Не то чтобы я много общался с китайцами, но те, которых я встречал, могли тебе кивать и улыбаться, чтобы ты ушёл в полной уверенности, что переговоры удались, а потом всё равно сделать по-своему. Кинуть кого-либо для них скорее норма, чем исключение.

Ну и прогнать кого-то с насиженного места всегда непросто. Они тут обжились, привыкли, и явно не собираются уходить просто так, учитывая, что эту землю они уже защищали с оружием в руках. Особенно при том, что в здешнем каменистом грунте можно накопать золота. Я бы тоже послал в пешее эротическое путешествие и главного макаронника, и его подручных, и всех прочих переговорщиков.

Когда я выехал на указанный холм, то увидел впереди, на одном из горных склонов, отвалы грунта, две замызганные палатки из парусины, деревянные тачки и людей с лопатами, роющих в земле, подобно кротам. Воды, чтобы мыть золото, тут не было, и здешним китайцам приходилось ворочать грунт тяжёлыми заступами, чтобы просеять его и отделить зерна от плевел.

Меня заметили почти сразу же, бросая работу и хватаясь за оружие, с которым тут не расставались даже при походе в туалет. Сразу стрелять не стали, но намерения у них были явно недобрыми. Всего я насчитал шестерых, но это только те, кто в данный момент находился на улице. Возможно, кто-то прятался в палатке, но это не точно.

Одеты китайцы были в самые обыкновенные рабочие куртки и штаны, пожелтевшие от возни с песком, даже шляпы у них у всех были западного покроя. Никаких тебе соломенных треугольных шляп, шёлковых халатов и деревянных башмаков, самые обычные работяги, каких тут можно встретить сотнями и тысячами, разве что лица их были жёлтыми, а глаза – недоверчиво прищуренными. Но сомневаться не приходилось, это самые что ни на есть китайцы, прямиком из Сан-Франциско или откуда-то ещё с западного побережья.

– Эй, мистер! Пашоль парочь отысюда! – с ужасным акцентов выкрикнул один из них.

Я поднял правую руку, демонстрируя мирные намерения.

Левая покоилась на луке седла, совсем рядом с рукояткой «Миротворца».

Китайцы потихоньку подтягивались мне навстречу, и я поёрзал в седле, чувствуя, как все они напряжены. Гостей они точно не ждали.

– Чево тебе надо? – крикнул другой, не менее сильно коверкая английскую речь.

– Я просто еду мимо! – крикнул я, видя, что некоторые из них уже похватались за оружие.

Я мог бы, конечно, пойти на риск и в мгновение ока перестрелять их всех, благо, стояли они достаточно близко друг к другу, да и умелыми стрелками не выглядели, и меня даже в убийстве никто бы не обвинил. Потому что никто бы не узнал о произошедшем в пустыне, да и на китайцев здесь всем, в общем-то, плевать. Но решать вопросы исключительно насилием это плохой путь, рано или поздно насилие в итоге порешает тебя самого.

Так что я решил начать с переговоров. Может, получится их уговорить. А если они сами вдруг полезут в драку... Ну, будем считать, что я сделал всё возможное, чтобы этой самой драки избежать.

– Найдётся у вас немного воды? По этой пустыне просто невозможно ехать! Моим лошадям надо напиться! – сказал я.

У них наверняка где-то вырыт колодец. Или неподалёку должен быть источник воды. Их слишком много, к тому же

у них есть собственные лошади, так никаких бурдюков не напасёшься. Без воды, как говорится, ни туды и ни сюды.

– Пашоль вон, лаовай! Наш вода не твой вода! – крикнул мне китаец.

Белые переселенцы китайцев не любят. И можно было понять, почему. Китайцы, в свою очередь, не любили белых. Да и негров с индейцами тоже. Тут, на самом деле, никто друг друга не любит. И дело даже не в том, что на дворе девятнадцатый век, когда можно вполне официально толкать в науку безумные расистские теории, в двадцать первом веке ситуация ничуть не лучше, все точно так же друг друга ненавидят, несмотря на все квоты, ухищрения и репрезентацию меньшинств.

Я снова поёрзал в седле, подобрал поводья покороче. Всё вело к тому, что мне снова придётся лить чужую кровь, рискуя пролить свою, а после ранения я стал как-то осторожнее относиться к такому риску. Шесть на одного – не лучший расклад. Даже если это косоглазые китайские работяги. Тем более, итальянцев они уже сумели прогнать, а значит, не так просты, как кажутся.

– Я отстал от геологической партии! – соврал я. – Вы не видели тут геологов? Доктор Лестер Раттингтон у нас главный!

Взгляды некоторых китайцев сменились с враждебных на чуть менее враждебные, заинтересованные, один из них тихонько перевёл мою реплику своим товарищам. Самой боль-

шой проблемой в общении с китайцами был и остаётся языковой барьер. Не любят они учить чужие языки.

А вот геологи для золотоискателей, которыми, без сомнения, и были эти китайцы, просто лучшие друзья, которые могут подсказать массу полезного и интересного. Например, дать наводку на новые месторождения. И плевать, что я ничего не смыслю в геологии, главное, что китайцы заинтересовались.

– Геологов тут не видели, нет, – произнёс один из китайцев, опуская заступ.

– Золото ищите? – спросил другой китаец.

Я замялся на мгновение.

– Уже нашли, – протянул я после короткой паузы.

Китайцы переглянулись, перекинулись несколькими словами на родном языке, их лица просветлели. От прежней суровой враждебности не осталось и следа.

– Воды вам надо? Сейчас принесём, – сказал мне китаец, тут же отправляя за водой одного из своих товарищей.

Я благодарно кивнул, вытер пот носовым платком, потрепал Ниггера по шее. Бродяга, виляя хвостом, подбежал и обнюхал нескольких китайцев по очереди, хотя я на его месте держался бы от них подальше. Сожрут и не подавятся.

Вскоре из лагеря старателей вернулся пожилой китаец с деревянным ведром в руках. В ведре плескалась красноватая мутная водица. Похоже, у них тут всё-таки вырыт колодец.

Пришлось выскользнуть из седла и принять у него ведро.

В этот момент я был максимально беззащитен, и если бы китайцы затеяли какую-нибудь пакость, то у них были все шансы, но они просто ждали, пока я напою лошадей.

Ведро было грязным, с засохшей глиной на краях и днище, и я отколупал немного, разминая комочек грязи в пальцах и рассматривая его с умным видом.

– Нет, определённо... – пробормотал я. – Содержание фосфатсульфатов паршивенькое... Глутамат натрия...

Китайцы напряжённо вслушивались в каждое слово.

– Дайте-ка угадаю... Вы пытаетесь здесь золото копать? – спросил я, щелчком отшвыривая этот комочек в сторону и отряхивая грязные руки.

– Копать, – хмуро подтвердил китаец, который забрал обратно своё ведро.

Я усмехнулся.

– Могу только пожелать удачи, – посмеиваясь, сказал я. – Много вы тут не накопаете.

Старатели снова начали хмуро переглядываться. Похоже, они тут и впрямь накопили не слишком много. А даже если и накопили, то это понятие относительное.

Я демонстративно начал поправлять уздечку и подпруги, словно готовился уезжать, оглянулся, ещё раз оглядел лагерь старателей критическим взором, разочарованно покачал головой.

– Эй, мистер! А где другой золото? – спросил какой-то молодой китаец.

На него с резкой отповедью накинута старший, но большинство, затаив дыхание, ожидало моего ответа. Я буквально кожей почувствовал повисшую в воздухе нервозность. Похоже, дела у них тут шли не очень.

– Это, кхм... Конфиденциальная информация, – протянул я, забираясь на Ниггера. – Но я готов вам её продать. Мне всё равно, кто будет копать там золото. Может быть, успеете разбогатеть до того, как доктор Раттингтон вернётся в Бостон и представит свой доклад в университете.

Китайцы засовещались, мнения разделились, совещание постепенно перерастало в жаркий спор. Я всё равно не понимал ни слова, поэтому просто ждал, обмахиваясь шляпой и разглядывая китайских работяг. Здесь, на западных территориях, частенько можно было их встретить, и чем дальше на запад, тем больше их было в городах, на шахтах и стройках. Мужчины, в основном, женщин почти не было, а если и были, то не здесь.

Все они бежали от голода и бедности в перенаселённых и нищих районах Китая, целыми отрядами, да так, что правительству Штатов приходилось ограничивать их въезд.

– Сыколько ты хочешь, геолог? – спросил вдруг меня старший китаец.

Я просто пожал плечами в ответ.

– Сто долларов будет достаточно. Можно золотым песком, – сказал я, заломив довольно большую цену.

Продавать воздух мне несколько претило, обман всё рав-

но раскроется, но это лучше, чем драться с ними. К тому же я придумал, как подсластить пилюлю. Рассказать ещё и про Клондайк. Тамошняя золотая лихорадка ещё не началась.

– Далеко это место? – спросил ещё один китаец.

– Не особо, – сказал я.

Старший из китайцев сам сходил за весами и золотом. В сам лагерь меня так и не пустили, но я и не рвался туда. Он отмерил пять унций золотого песка и аккуратно ссыпал весь песок в мешочек. Золото поблескивало в солнечных лучах, приковывая к себе жадные взгляды каждого из них.

– Ну и где? – спросил китаец, подкидывая на руке мешочек с песком.

– Тридцать миль к юго-востоку отсюда. Место приметное, там два высохших ручья и большая красная скала, – солгал я.

– Так не пайдёт, – покачал головой китаец. – Поедешь с нами. Покажешь. Получишь золото.

Стоило это предвидеть. Похоже, я всё испортил, просто так назвав место. Надо было догадаться, что золото мне просто так не отдадут.

– Если вас надо проводить, это будет оплачиваться отдельно. Ещё столько же, – не моргнув глазом, произнёс я.

На это у меня откровенно не было времени. Я и так задержался в Аризоне, хотя на всех парах должен мчаться к северу.

– Нет. Ты нас параводишь, геолог. Бесплатно, – заявил китаец, хватаясь за пушку, которая блеснула в его руке почти

так же, как золото.

Ну что ж, Джеки Чан, ты сделал большую ошибку. Видит Бог, я этого не хотел.

Глава 5

Вновь, вновь золото манит нас, или как там пелось в старом фильме. Один человек не захотел расставаться с золотом, другой не захотел оставаться в дураках, и вот, старому грифу-стервятнику снова будет чем поживиться.

Гроыхнул выстрел, пуля китайца просвистела прямо над головой Ниггера, но я уже выскользнул из седла набок, на землю, выхватывая оба своих кольта и начиная палить.

Взвёл курок, потянул за спуск. Именно потянул, аккуратно и нежно, как верного друга, как робкую барышню в танце. Если давить изо всех сил или резко нажимать в панике, как это часто бывает у неопытных стрелков, ствол клюнет вниз или уйдёт в сторону. И именно поэтому я не боялся этих золотоискателей. Ни один из них опытным стрелком, в отличие от бандитов Мартинеса, не выглядел. Оружие они носили скорее для самоуспокоения, предпочитая не жечь патроны попусту.

Голова стрелявшего китайца раскололась как помидор в блендере, его шляпа подлетела в воздух, а я уже стрелял в следующего, выхватывая взглядом тех, кто быстрее всех тянулся к оружию.

Взбешённый Ниггер ринулся вперёд, на растерянных старателей, вставая на дыбы и размахивая огромными копытами, Бродяга злобно залаял, кидаясь на обидчиков. Я же рух-

нул в пыль, в колючие кусты, чтобы стрелять лёжа. Хватит с меня ковбойских дуэлей.

Опунция разодрала мне штанину большими колючками, камни больно впились в живот и колени. Я укрылся за камнем с револьверами наготове. От поспешной тряски вновь разболелась недолеченная голова, но пусть лучше один лечит, чем шестеро несут.

Китайцы тоже бросились врассыпную, прятаться за камни и валуны, щедро разбросанные по склону, начали стрелять из укрытий, над которыми тут же поднимались облачка порохового дыма. Я успел подстрелить только одного, прежде, чем они все попрыгали за камнями, и то всего лишь ранил в бедро, а не убил. Другого сбил с ног Ниггер, после чего отбежал в сторону, вместе с винчестером в седельной кобуре. Он бы сейчас пригодился.

Над головой всюду свистели пули, так что я распластался на сухой земле, всем телом вжимаясь в неё, практически зарываясь. Китайцы стреляли, не целясь, даже не высовываясь из укрытий, лишь кричали на своём языке, да палили в молоко, надеясь хотя бы случайно зацепить меня.

Я же старался не жечь порох понапрасну. Один выстрел – один труп, самая верная тактика, пусть и не всегда выполняемая. Боеспособных китайцев осталось всего четверо, а значит, у меня были все шансы.

Крики и пальба гулким эхом разносились над склонами здешних холмов, и я заметил краем глаза, как из палаток в

лагере вывалились ещё четверо китайцев с ружьями. Вот это уже гораздо хуже.

Один из старателей вдруг покинул укрытие и побежал, низко пригибаясь, куда-то в сторону. Я взял необходимое упреждение и выстрелил, пуля вспорола ему бок, проходя насквозь, китаец упал, крутанувшись волчком в падении, и распластался на земле.

Золотоискатели вновь завопили, начали поливать свинцом округу, срезая пулями кактусы и выбивая каменную крошку из земли. Послышался злобный рык Бродяги, а после него – страшный вопль китайца, которого пёс терзал и не отпускал.

Склон заволокло едким пороховым дымом, и новые облачка расцветали одно за другим. Я ждал, пока кто-нибудь из китайцев высунется снова, чтобы прицельно стрелять, дистанция позволяла это делать без проблем. Жаль, нет ружья. До палаток из револьверов мне не достать.

– Бросайте оружие! Не я это начал! – крикнул я, даже не надеясь на благоразумие золотодобытчиков.

Как никак, я убил уже двоих, а одного ранил, пролилась кровь, а за такое всегда хочется отомстить. Особенно с численным превосходством, таким, как у них.

Китайцы прокричали что-то друг другу, и одновременно кинулись вдвоём в разные стороны, пытаясь обойти меня сбоку и взять в клещи. Третий, которого сбил с ног мой жеребец, открыл поспешный огонь, чтобы прижать меня к зем-

ле и не дать высунуться.

Мне это и не понадобилось. Как только шляпа одного из китайцев показалась в поле зрения, я выстрелил, тут же поворачиваясь к другому, даже не глядя на падающее тело. Второй тут же рухнул наземь, словно футболист в подкате, укрываясь от моих пуль.

– Геолога! Ты тыруп! – крикнул он. – Пакойник!

Все вы так говорите. А копать потом почему-то приходится мне.

Жаль, тут не распространены гранаты. Можно было бы кинуть камень, и китайцы разбежались бы, как тараканы из-под тапка, а я бы перестрелял их, как в тире. Увы, придётся действовать как-то иначе.

Начали гулко бахать ружейные выстрелы, и я молился, чтобы мои оппоненты стреляли пулями, а не дробью.

– Ниггер! Ко мне! – крикнул я, но жеребец ускакал вместе с моим карабином, и не собирался пока возвращаться.

Паприка флегматично щипала редкую высохшую травку, совершенно не обращая внимания на пальбу и свист пуль, разве что ей хватило ума отойти с линии огня. А вот Ниггер носился по склону, словно радовался бою.

Нужно было как-то двигаться вперёд, поближе к китайским снайперам, и обезвреживать их, иначе я даже не смогу отсюда уйти. Подстрелят, едва я высунусь из укрытия, рядом с моим лежищем то и дело в землю врезались ружейные пули, поднимая фонтаны песка.

Как ни странно, я сохранял хладнокровие, равнодушно подсчитывая патроны в своих кольтах. Как минимум шесть выстрелов у меня в запасе ещё оставалось. Я не помнил, зарядил я барабаны полностью накануне поездки или оставил одну камору пустой для безопасности. Если зарядил, тогда у меня есть ещё восемь патронов. Должно хватить на всех, если я и дальше не буду мазать.

Но китайцы, мелкие и увёртливые, как мошकारа, упорно не желали подставляться под мои выстрелы. Неудивительно, что они сумели не просто прогнать макаронников, а ещё и смогли отбить у них всякое желание соваться на эту землю.

Я выждал, пока пальба китайских старателей немного стихнет, и перезаряжать свои пушки станут сразу несколько китайцев, и только тогда пополз по-пластунски, всем телом вжимаясь в красно-жёлтый грунт.

Над головой тут же зажужжали пули, но я полз точно так, как учил старшина, распластавшись на земле. Локти и колени саднило, костюму точно хана, колючки и кактусы впивались иголками везде, куда только можно, но лучше уж извлекать из себя колючки, чем свинец.

Мне удалось добраться до следующего укрытия, большого валуна из песчаника, рядом с которым лежал убитый китаец. Кровь мгновенно впиталась в иссохшую землю, оставаясь лишь непонятным бурым пятном. Его армейский кольт валялся рядом, выпав из остывающей руки. Я мельком взглянул в каморы – разряжен. Зато мешочек с пятью унциями зо-

лотового песка я не побрезговал взять, наплевав на опасность.

Китайцы палили и орали дурными голосами, перезаряжали и снова палили. Валун, за которым я улёгся, поливали свинцом, оставляя на нём глубокие выбоины.

— А ну, идите сюда, обезьяны косоглазые! — крикнул я, пытаясь спровоцировать их на опрометчивые действия. — Желтомордые уроды!

Даже если английский язык знали считанные единицы из них, то эти слова наверняка слышали все. И их смысл прекрасно понимал каждый.

Золотоискатели снова начали палить, но достать меня не могли, ни из револьверов, ни из ружей, так что вынуждены были подбираться ко мне ближе и обходить по кругу. И в какой-то момент пуля выбила фонтанчик песка сбоку от меня, я проследил взглядом за направлением выстрела. Китаец с ружьём обошёл меня по широкой дуге, но ему не хватило или меткости, или выдержки. Я перекатился вбок, открываясь для других выстрелов, и стреляя в ответ по тому ублюдку. Попал или нет, я не успел заметить, по мне тут же начали стрелять, и я поспешил вернуться в укрытие.

Послышался конский топот, и я осторожно выглянул на звук, трое китайцев предпочли вскочить на лошадей и ускориться прочь, вероятно, за подмогой, но я ничего не мог с этим поделать. Я высунулся из-за валуна, в ту же секунду громохнул выстрел, и я рухнул обратно в укрытие.

Хоть я и перестрелял целую ораву косоглазых, оставшие-

ся ещё не готовы были задрать лапки вверх. Я с шумом выдохнул сквозь зубы и перехватил кольца поудобнее. Мне надоело прятаться. Надоело ждать, пока у них кончатся патроны.

Я резким рывком поднялся на ноги, оттягивая курки большими пальцами. Бродяга с окровавленной мордой пронёсся мимо меня, как молния, глухое рычание не предвещало его будущей добыче ничего хорошего. Китаец высунулся из-за камня, не ожидая увидеть меня в полный рост, и я тут же пустил ему пулю в лоб.

Горячие стволы «Миротворцев» хищно оглядывали каменистый склон в поисках новых жертв, но никто больше не желал помериться со мной силами. Несколько сбежали и могут вернуться, возможно, даже с подмогой, но в данный момент лагерь золотоискателей опасности больше не представлял. Разве что раненые могли попытаться выкинуть какой-нибудь трюк, но таких было немного, и они все истекали кровью. До прибытия скорой помощи они не протянут.

Я осторожно прошёлся по склону от одного тела к другому, заглядывая в карманы и кошельки в поисках ценного, у многих наверняка припрятан золотой песок, который удалось утаить от товарищей.

Ну и, самое главное, мне хотелось осмотреть палатки старателей. Всё добытое золото должно находиться там, а оставлять его для Джироне я не собирался, пусть копает новое.

Выворачивать карманы убитых мне никогда не нравилось.

Мерзкое это занятие. Хуже этого только выдирать золотые зубы и отрубать пальцы с обручальными кольцами, и я надеялся, что до этого я не опущусь. Я и без того ощущал брезгливость, когда мне приходилось приподнимать безжизненное тело, пачкая руки в чужой крови.

По карманам улов всё равно был небольшой. Оружие я не собирал, только деньги и драгоценности, то, что можно быстро сплавить любому торговцу, и он не будет задавать вопросов. Работяги всё равно были нищими, иначе не попёрлись бы копать золото на чужой земле.

В первой палатке, остро пахнувшей грязными носками и какой-то вонючей китайской жратвой, я тоже не обнаружил ничего ценного, как и снаружи неё. Снаружи валялись заступы, лопаты, совки, тачки, громадные сита, отвалы грунта. Внутри палаток – сменная одежда, личные вещи, посуда, предметы сурового спартанского быта золотоискателей.

Зато во второй палатке, в которой, по всей видимости, жил их старший, нашлось-таки немного золотого песка в холщовом мешочке. По весу что-то около килограмма. Для одного человека – солидный куш, для десятка старателей – сущая мелочь, и я понял, почему они так уцепились за моё фальшивое предложение.

Золото немедленно отправилось в мою сумку, а сам я пошёл ловить Ниггера, который резвился на окраине лагеря, вовсю заигрывая с какой-то чужой кобылой, будто и не было никакой драки, стрельбы и переполоха.

Пора было отсюда валить, не дожидаясь возвращения оставшихся китайцев. Так что я поймал жеребца, взобрался в седло и поехал прочь, свистом подзывая Бродягу, который носился среди мертвецов как заведённый. Многое я наверняка пропустил, но я приезжал сюда не за добычей, так что со спокойной душой оставил этот лагерь золотоискателей позади, устремившись в Тусон. Там ещё оставались кое-какие дела.

Само собой, перед отъездом я перезарядил револьверы. Почистить успею в Тусоне, пока не до этого. А затем бодрой рысью поскакал в город обратно по тропе, внимательно разглядывая горизонт в поисках других всадников. Мысль об уехавших китайцах не давала мне покоя, но если я доберусь до города, это будет уже не моя проблема.

Это будет уже проблема макаронников, но я верил, что они с ней справятся. На самом деле, Джироне мог бы и сам избавиться от этих сквоттеров, но, видимо, не хотел подвергать риску своих людей. А вот пришлого наёмника, да фактически за бесплатно, с радостью. Он мог бы, конечно, в итоге наплевать на нашу сделку, но заключалась она при свидетелях, а репутация человека, который не держит слово, итальянскому боссу совершенно ни к чему.

Да даже если он и обманет, это тоже не моя проблема. Я намеревался покинуть Тусон в самое ближайшее время, и местные разборки успели мне надоесть до чёртиков. Даже больше, чем здешняя жара, чили с говядиной и сухой пу-

стынный ветер.

Пора ехать на север, в горы, где бродят медведи-гризли и снег на самых высоких пиках не тает даже в разгар лета.

Перед тем, как въехать в Тусон, я остановился у окраины и немного привёл себя в порядок. Выбил пыль из шляпы, отряхнул песок с костюма. Когда приходится валяться на земле, уворачиваясь от пуль, как-то само собой получается, что ты становишься похож на бродягу. На бомжа, иными словами. Даже у самого элегантного джентльмена не получится сохранить свой лоск.

С другой стороны, помятый видок гарантировал мне, что итальянцы поверят в мою историю. Хотя я не удивлюсь, если Марио наблюдал откуда-то издалека. Как минимум, плотный шквал ружейных и револьверных выстрелов он должен был слышать, даже если уехал сразу же.

Я поехал сразу в салун Джироне, нигде не задерживаясь. Время близилось к концу рабочего дня, сейчас туда потянется народ, и я надеялся застать итальянца на месте. Когда я вернулся к отправной точке сегодняшнего путешествия, то вновь увидел Марио, подпирающего косяк, но в этот раз, увидев меня, он швырнул окурок в пыль и сделал шаг мне навстречу, будто не верил собственным глазам.

– Дьявол меня раздери, – пробормотал он. – Я думал, тебе конец.

– В какой-то момент и я так думал, – сказал я, швыряя ему поводья, словно мальчишке-конюху.

Марио безропотно взял их и привязал к коновязи.

– Твой босс на месте? – спросил я.

– Да... Я провожу, – торопливо ответил он.

Вместе мы прошли в заднюю комнату салуна, и я на всякий случай держал кобуру расстёгнутой. В этот раз босс макаронников просто расслаблялся на диване с бокалом бренди в руке и смазливой девицей под боком, которую отослал прочь, едва мы с Марио зашли внутрь.

– Ого, какие люди, – хохотнул Джироне. – А я и не думал, что ты вернёшься.

– Пришлось подстрелить несколько китайцев, – сказал я.

– Вредные поганцы, да? – хмыкнул Джироне. – И как всё прошло?

– Можете заезжать на свой участок. Больше никто не помешает, – сказал я.

– Марио? Ты что скажешь? – итальянец повернулся к своему подручному.

Тот несколько замялся. Видимо, успел сочинить какую-то другую историю.

– Китайцев нет, синьор, – после небольшой паузы сказал мой проводник.

– Прелестно... – проворчал макаронник. – Что ж... Ты своё слово сдержал, и я своё тоже сдержу.

– Ага, – сказал я. – Иначе я приду к тебе снова. Тебе не понравится.

Джироне помрачнел, по всей видимости, всерьёз воспри-

нимая угрозу.

– Что планируете делать дальше, мистер? – спросил он, переводя тему.

– Уеду на север, – честно ответил я. – Но в любой момент могу и вернуться.

– Да, меня тоже доконал здешний климат, – признался итальянец. – Что ж, могу только пожелать удачи.

Мы пожали друг другу руки, и я покинул его салун с лёгким сердцем и приятным чувством хорошо выполненной работы. Промелькнула мысль заехать в салон Мамы Лоу, сообщить, что теперь их точно никто не тронет, но я это уже говорил, да и проводы могут затянуться надолго, так что я просто поехал в жилой квартал, навестить семью одного моего знакомого. Семейю Луиса Эрнандеса.

Нет, я не собирался делать ничего плохого, никаких допросов с пристрастием или тому подобного. Направление у меня всё равно уже было, сам Хорхе Мартинес-младший чётко произнёс «Колорадо» прямо у меня над ухом. Я рассчитывал, что смогу вызнать немного конкретики. Хотя и понимал, что семья мексиканца может быть и не в курсе занятий своего кормильца. Но не проверить эту зацепку я просто не мог, так что я делал это скорее ради самоуспокоения.

Глава 6

Никакого результата эта поездка не принесла. Дом Луиса Эрнандеса стоял закрытым и казался давно покинутым, хотя я лично видел, как оттуда выезжал его хозяин.

Опрос свидетелей, в данном случае, соседей, тоже ничего не дал. В этом квартале жила мексиканская диаспора, и все ответы в лучшем случае были расплывчатыми. Чаще всего со мной просто отказывались разговаривать. Они видели перед собой чужака, гринго, и желание общаться пропадало у них сразу же.

Ну, на нет и суда нет. Заставлять кого-то говорить я не мог, так что пришлось уехать, несолоно хлебавши. Я не слишком-то расстраивался.

Нужно было решить теперь, какой дорогой ехать до Колорадо. Через восточную дорогу и повернуть на север возле Эль-Пасо, знакомыми тропами, или же ехать на север прямо сейчас, через индейские резервации и глухомань. Первый вариант казался более разумным, так что я снова покинул Тусон по восточной дороге, хотя бандиты наверняка поехали через индейские территории, подальше от цивилизации и закона.

Всё было готово к отъезду, припасы куплены и рассованы по мешкам, патроны взяты даже с небольшим запасом, все бурдюки и фляжки заполнены свежей водой из обществен-

ного колодца. Мне вновь предстоял долгий переход через пустыню, а значит, нужно быть готовым ко всему.

В этот раз я шёл один. Я вспоминал, как мог раньше сесть за руль и провести несколько часов в дороге, наедине с собой. Теперь наедине с собой придётся побыть несколько дней, только если по пути мне не будут встречаться мелкие городки и деревушки вроде того же Квемадо, растущие вдоль дорог там, где останавливались караваны.

Возникал соблазн достать и включить мобильник, посмотреть гугл-карты, но телефон лежал, бережно завёрнутый в тряпочку, на самом дне сумки, и я старался лишний раз о нём не вспоминать. Слишком уж он напоминал о моём незавидном положении. К тому же, я не уверен, что гугл-карты будут работать без интернета, но зачем-то же они качали регулярно гигантские обновления? Проверять и тратить батарейку впустую я не хотел. Может, он пригодится для чего-то более важного, чем гугл-карты.

Поэтому я ориентировался по немногочисленным дорожным указателям. Да и в целом маршрут был не самый сложный, мне достаточно было ехать по самой широкой дороге, чтобы выйти обратно к Нью-Мексико.

Романтика путешествия давно уступила место суровой рутине. Я часами отбивал задницу об седло, чтобы вечером остановиться на короткий ночлег, большую часть которого занимал уход за животными, или на ещё более короткую днёвку в тени какой-нибудь скалы, одинокого дерева или

гигантского кактуса.

Иногда на пути попадались крохотные городки из одной улицы, но с неизменными салуном, кузницей и конюшней. В таких я не задерживался дольше необходимого. Пополнил запасы воды, провизии, перекусил городской пищей и поехал дальше.

Я планировал дойти таким образом до Рио-Гранде, возле неё повернуть на север и таким образом замкнуть круг, который я нарезал по территории двух штатов и одной индейской резервации. Уж лучше пройти по знакомым местам, чем плутать в безлюдных и безжизненных пустошах, где можно не встретить ни души на всём пути. А можно встретить воинственно настроенных индейцев, и эта встреча одинокому путнику точно не понравится.

Жаль, тут пока не было железной дороги. С куда большим удовольствием я бы сел на поезд и с комфортом доехал до места назначения, а не ехал верхом через половину страны под палящим солнцем.

Так или иначе, несколько дней пути слились в один долгий переход от одной стоянки к другой. Унылый жёлтый пейзаж начал становиться зеленее только на подходе к Рио-Гранде, вдоль которой вытянулись немногочисленные поля и пастбища, позволяющие выживать в этой негостеприимной и неплодородной земле. Я вернулся в Нью-Мексико, практически туда же, откуда и начал свой путь.

Небольшой городок под названием Лас-Крусес, раскинув-

шийся на противоположном берегу Рио-Гранде, по моему плану, был одной из промежуточных точек маршрута. Здесь я намеревался немного передохнуть и привести себя в порядок, и, когда его крыши показались на горизонте за рекой, я выдохнул с облегчением. Теперь осталось только найти переправу, и мне в этот раз повезло. Возле самого города стоял деревянный мост, и мутные серо-жёлтые воды плескались о тёмные сваи.

Дома в Лас-Крусесе были сплошь одно- и двухэтажные, не выше, в основном, деревянные или кирпичные, достаточно ветхие и бедные. Кое-где виднелись заколоченные окна, городок переживал не лучшие времена. По внешнему виду прохожих можно было предположить, что я по ошибке заехал в мексиканскую провинцию, но я точно знал, что нахожусь в США. Над офисом местного шерифа развевался звёздно-полосатый флаг.

Но там мне пока нечего было делать. Вместо этого я поехал в отель, первый попавшийся мне на пути. Хотелось отдохнуть, помыться, переночевать на свежих простынях и, может быть, немножечко выпить.

В отеле скукающий портье читал какую-то десятицентовую книжонку, облокотившись на стойку и даже не подняв на меня взгляд, когда я вошёл. Он просто ткнул пальцем в журнал регистрации и продолжил читать, не отрываясь, что мне даже захотелось узнать, что он там такое читает.

Я пробежался глазами по неровным строчкам в журнале,

вписал своё имя последним, положил доллар на стойку. Портье сграбастал деньги и молча выдал мне ключ. Мне удалось заглянуть в его книжку. Это оказался роман Жюль Верна, «Вокруг света за 80 дней», и я вспомнил, как читал его в детстве, холодным январским утром.

– Отличная книга, – сказал я.

– Ага, – буркнул портье.

Кажется, лучше его не отвлекать. Я и сам ненавидел, когда меня отвлекают от чтения, заставляя выныривать из выдуманного мирка в эту скучную и надоевшую обыденность.

Хотя мне тут скучно не было, это точно. Некогда было скучать.

Я поднялся в номер, закрылся на ключ, развязал надоевший шейный платок, умылся из жестяного тазика. Ещё одна пауза. Бездельничать я не любил, поэтому принялся чистить оружие и вообще приводить себя в порядок. На костюме в нескольких местах зияли прорехи, которые требовалось зашить, ползание в колючках не пошло ему на пользу.

По-хорошему, мне надо бы купить новый, но после быстрого подсчёта бухгалтерии я понял, что дебет и кредит не сходятся. Наличных долларов почти не осталось, только золотой песок, отнятый у китайцев. Здесь его, конечно, почти везде принимают по весу, но курс будет просто грабительским, и я хотел пока придержать его у себя. Лучше будет найти какую-нибудь работёнку. Желательно простую, непыльную, быструю и прибыльную, но это всё взаимоисключаю-

щие параметры, так что будем посмотреть.

Время близилось к ужину, о чём мне намекало не только моё брюхо, но и заходящее солнце за окном, так что я, немного передохнув, отправился вниз, на поиски подходящего места, чтобы пожрать. Походная пища, какой бы вкусной она не была и как бы не пахла костром, всё равно уступает той, которую готовит профессиональный повар.

Портье внизу всё так же читал книжку, на этот раз уже другую, и, кажется, вообще не заметил, что я покинул отель.

На широких улицах Лас-Крусеса хватало различного рода забегаловок, но я не стал привередничать и зашёл в самую ближайшую к отелю. Это был скорее салун, место, где наливают крепкий алкоголь, но и горячая еда здесь тоже была, так что я, мельком глянув на остальных посетителей, прошёл и уселся за свободный столик, положив шляпу на соседний стул.

Зал не сказать, что был забит полностью, но народу хватало, и после молчаливой пустыни мне казалось, что я попал в гудящий улей. Отовсюду слышались разговоры, смех и гомон, звон посуды и скрип мебели. После гробовой тишины, в которой лишь порой завывали койоты и стрекотали кузнечики, контраст был разительный.

Уселся я, как полагается, лицом к выходу, спиной к стене, чтобы никто не мог подобраться сзади. С моей профессией стоит опасаться выстрела в спину, даже в незнакомом городишке. Я успел приобрести определённую репутацию в

здешних местах.

Местные поглядывали на меня с интересом, как на диковинную зверушку. Я присмотрелся повнимательнее к посетителям. Кажется, я зашёл не в тот салун. Народец тут соби-рался откровенно криминальный.

– Здорова, земляк! – за мой стол, не дожидаясь приглашения, уселись двое ковбоев откровенно бандитского вида.

Один из них едва не раздавил мою шляпу, благо, я успел её выдернуть и положить на колено, на мгновение оторвавшись от поглощения фасоли в мясном соусе.

– Угостишь виски? Тут так заведено, – сказал первый.

– Традиция такая, – сказал второй.

– А тебя следующий вошедший угостит, – сказал первый.

– Так заведено, – сказал второй.

Я хмыкнул, краем глаза подмечая, как за нашей беседой послеживает практически весь салун, включая бармена и его помощниц.

– Я, пожалуй, откажусь, – процедил я.

Даже самого бездонного кошелька не хватит, если начать угощать всех подряд выпивкой. Нет, в существование подобной традиции я мог бы и поверить, но сама формулировка вопроса и тон, которым это было произнесено, напрочь отбивали желание кого-то угощать.

– Не уважаешь наши традиции, чужак? – набычился первый.

Я флегматично помакал зачерствелым хлебом в остатки

соуса, не слишком-то желая развивать конфликт.

– Уважаю, – сказал я, не прекращая жевать.

– И в чём тогда проблема? – спросил второй.

– Уважение к традициям никак не заставляет меня им следовать, – сказал я.

– Чего? – не поняли ковбои.

– Ну, смотрите... На примере. Допустим, есть какое-то племя дикарей, где мужчина не считается мужчиной, пока не трахнет ишака, – сказал я. – Такая вот у них традиция. Ты приехал к ним в гости. Разве ты станешь трахать ишака, чтобы считаться среди них мужчиной?

Я уже не выбирал выражений, их наглость вывела меня из равновесия.

– Это ты нас дикарями назвал? – нахмурился первый.

– Что вы, нет, Боже упаси, – произнёс я. – Просто привёл понятный пример.

– Мне кажется, ты нарываешься, мистер, – процедил второй ковбой.

– Говорят, если кажется, то надо креститься, – сказал я.

Первый ковбой медленно потянулся к кобуре.

– Не советую, – сказал я, поворачиваясь к нему.

– Чего? – фыркнул он, но всё же остановился.

– Так-то лучше, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – А теперь я, пожалуй, пойду. Счастливого оставаться.

Фасоль я всё равно уже доел.

– А ну, стоять, – раздался голос от соседнего столика, и

я увидел, как какой-то усатый ранчиро поигрывает револьвером.

Не люблю, когда в меня целятся. В людей целиться вообще нельзя, а если нацелился – стреляй сразу же, наповал.

– Пушку убери, поранишься ненароком, – произнёс я.

В принципе, он уже дал мне повод начать стрельбу, я не сомневался, что сумею выхватить револьвер прежде, чем он опомнится, но так я настрою против себя весь город.

– Ясно тебе сказали, традиция у нас, – сказал ранчиро, не выпуская из руки старенького смит-вессона. – Угощаешь ребят виски. Следующий вошедший угощает тебя.

– Он вроде собрался уходить, – сказал кто-то ещё.

– Пусть валит.

– Пусть спляшет, а потом катится из нашего города!

– Да, пусть спляшет!

Я почувствовал, как в груди разгорается ярость.

– Зовите коронера, – глухо произнёс я.

– Может, шерифа? – засмеялся кто-то из посетителей. – Позовёшь на помощь!

– Так вон он сидит, – сказал кто-то ещё.

– Ты мне шутку испортил, Стив! – проворчал шутник.

– Нет, шериф не понадобится. Понадобится коронер, – сказал я, готовясь выхватить «Миротворец» и начать пальбу.

Не самое лучшее завершение дня. Пожалуй, в пустыне было как-то спокойнее и уютнее, в одиночестве, без людей.

– Пляши! – рявкнул ранчиро.

В тот же момент громыхнул выстрел, пуля ударила в земляной пол рядом с моим сапогом. Я не шелохнулся.

– Кажется, он хочет на меня напасть, – сказал я, выхватывая кольт.

Я выстрелил быстрее, чем он успел среагировать, моя пуля раздробила ему кисть, и я тут же опрокинул стол мощным пинком, чтобы за ним укрыться. Ранчero взвыл, выронил свой револьвер, но вслед за ним оружие начали доставать и другие посетители. За револьверами потянулись и мои соседи, но я тут же ударил одного рукоятью колта в висок, а второго взял на мушку и схватил за шиворот, укрываясь за ним, как за живым щитом. Деревянный стол – плохое укрытие от сорок пятого калибра.

– Брось пушку, парень! – крикнул мне какой-то старик.

На меня наставили едва ли не десяток стволов, но стрелять пока никто не решался. Я не зря укрылся за их товарищем.

– Пошутили, и хватит! Бросай оружие! – повторил он, и я разглядел маленькую золотую звёздочку на лацкане его пиджака.

– Такие здесь шутки, да? – фыркнул я, чувствуя, что начинаю свирепеть.

Шутят они так, сволочи. Традиции у них такие. Чем тут вообще шериф занимается? Ловлей мух?

– Сука! Он мне руку прострелил! Руку прострелил! – причитал ранчero, баюкая покалеченную ладонь и зажимая её

какой-то тряпкой, насквозь пропитавшейся кровью.

– Повесить его! – крикнул кто-то из толпы, но его пока не поддержали.

– Можете попробовать, – разрешил я. – Но минимум ещё пятеро отправятся за мной в ад. А то и больше.

– Отпусти его! – приказал шериф.

– Нет, это вы отпустите меня, – процедил я.

– Хер тебе, чужак! Ты мне руку прострелил! – заорал ранчиро, и все остальные поддержали его недобрым гулом.

– Конец тебе, чужак, – тихо просипел мой заложник. – Повесят тебя.

Пришлось немного надавить ему предплечьем на кадык, чтобы он заткнулся. Я и сам понимал, что всё идёт именно к этому. Но и я не шутил, когда говорил, что заберу с собой нескольких местных, сдаваться просто так я не собирался.

– Не я начал стрелять, – сказал я.

– Братцы, Джейкоб-то помер! Не дышит! – ахнул один из местных, и я покосился на лежащего ничком ковбоя, которого я двинул в висок.

Переусердствовал, значит. В животе шевельнулся неприятный холодок, и я начал аккуратно, бочком, пробираться вдоль стенки к выходу, держа своего заложника за шею и не прекращая водить кольт из стороны в сторону. Надо срочно уматывать из Лас-Крусеса.

Любой суд меня оправдает, это была самооборона, но только суд гражданский. Суд Линча разбираться не станет,

и свой приговор он уже вынес.

— Держите его! — рявкнул кто-то из толпы, и мне пришлось выстрелить снова.

На этот раз в первого, кто сунулся ко мне, в ногу. Лишних смертей мне не нужно, даже в порядке самообороны.

И сразу же после этого выстрела я вместе с заложником рванул к барной стойке. Тут наверняка должен быть чёрный ход, просто обязан быть. Если есть кухня, будет и он, чтобы подвозить продукты и выплёскивать помои, потому что через общий зал это не делается.

Бармен испуганно юркнул в сторону, уступив мне место, аборигены начали палить, разбив несколько бутылок на полках. Я, к счастью, успел нырнуть в дверной проём, ведущий на кухню, и когда оказался внутри, с силой толкнул заложника обратно в зал, навстречу погоне. А затем опрокинул шкаф, загораживая проход.

Наружу вела тонкая деревянная дверь, которую пришлось выбить богатырским ударом, хлипкий замок без проблем выломался. Позади слышались злые крики и угрозы, и я не стал задерживаться ни на секунду. Я рванул переулками обратно к отелю, надеясь забрать свои вещи и лошадей прежде, чем погоня меня настигнет.

Никогда не думал, что стану эпицентром подобного переполоха, я всегда считал, что можно договориться и выруть из любой ситуации мирно. В этот раз, похоже, не вышло. Что ж, Лас-Крусес мне сразу не понравился. Это оказалось вза-

имно. Хотя фасоль с мясным соусом мне всё-таки понравилась.

Глава 7

Пробираться в отель пришлось закоулками, причём дважды мне пришлось перелезать через заборы, благо, нужное здание располагалось недалеко. А вот входить всё равно нужно было через главный вход, с улицы, и я постарался сделать это максимально быстро. На улице меня искали.

Свою книжку портье всё-таки дочитал, и встретил меня радушной улыбкой, когда я, запыхавшийся от беготни и суматохи, ворвался в холл.

– Кажется, сегодня в городе какой-то переполох, вы слышали стрельбу? – спросил портье, но я не ответил.

Я промчался мимо него наверх, хлопая себя по карманам в поисках ключа от номера. Оставлять здесь мой винчестер, сумки с золотом и остальные пожитки не хотелось совершенно.

Из города надо уматывать как можно скорее. Куда угодно, в любом направлении. Местные наверняка отправятся за мной в погоню. Я ткнул горящей палкой в пчелиный улей, и теперь пожинал последствия своей глупости.

Я собрал шмотки как по тревоге, быстро заталкивая всё в сумку, оделся и рванул обратно к двери, но возле неё резко остановился. В коридоре слышались голоса. Недобрые, встревоженные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.